

Фундаментальные исследования в сфере развития информационного общества

ЧТО ТАКОЕ ИНФОРМАЦИОННОЕ ОБЩЕСТВО?

Статья рекомендована к публикации членом редакционного совета Д.С. Черешкиным 30.06.2021.

Науменко Тамара Васильевна

Доктор философских наук, профессор

МГУ имени М.В.Ломоносова, факультет глобальных процессов, профессор

Москва, Российская Федерация

t-naumenko@yandex.ru

Аннотация

Информация как движущая сила современного мира является постоянной и актуальной темой многочисленных современных исследований. Информация настолько важная составляющая современного социума, что само общество принято называть информационным. Однако единого мнения о том, что же все-таки считать главным критерием этого общества, каковы основные критерии его выделения, а также каковы механизмы его развития, на сегодняшний день не существует, зато существует ряд доктрин, убедительно отстаивающих собственные позиции по решению этого непростого вопроса. В статье предпринята попытка систематизации теорий информационного общества, рассмотрения и анализа мифа, связанного с понятием «информационная эпоха», а также анализу конструктивистского подхода и доказательству его плодотворности для изучения данной тематики.

Ключевые слова

информация; информационное общество; информационная эпоха; мифологизация; конструктивизм; информационная революция; теории информационного общества

Введение

Современные аналитики всё больше и больше начинают говорить об информации как о главном отличительном признаке глобального мира. Нам говорят, что мы входим в информационную эру, что новые «способы информации» превалируют, что мы живём в «электронном обществе» и подходим к «виртуальной экономике», движущей силой которой стала информация, что мы уже существуем в условиях «глобальной информационной экономики». Очень многие эксперты заходят ещё дальше и называют наиболее развитые страны информационными обществами. Идея информационного общества пришлась по душе политикам и бизнесменам, тем более что Европейский Союз спешит войти в «глобальное информационное общество» по примеру Японии, которая приняла эту концепцию в начале 70-х годов XX века [7].

К сожалению, практически все авторы увлечены всевозможными описаниями, проявлениями и характеристиками информационного общества, не углубляясь до понимания его сущности. Можно понять энтузиазм адептов информационного общества (далее ИО) – если принять их точку зрения на глобальные изменения в человечестве, то мы – пионеры новой эпохи. А где новая эпоха – там и новые неизведанные территории, и возможность за столбить за собой хоть небольшой кусочек Нового Мира. Кто-то из кожи вон лезет, чтоб успеть встать у истоков новых теорий и всю жизнь потом считаться классиком. Кто-то ищет возможность помочь людям лучше найти себя в стремительно изменившемся мире. Кто-то, наконец, просто исследует окружающую его реальность. Несомненно одно – наличие почти безграничного количества определений, пониманий и проявлений информационного общества свидетельствует лишь о высокой актуальности этого феномена, а также о необходимости его глубокого исследования, вплоть до вскрытия сущности.

© Науменко Т.В., 2021.

Производство и хостинг журнала «Информационное общество» осуществляется Институтом развития информационного общества.

Данная статья распространяется на условиях международной лицензии Creative Commons «Атрибуция — Некоммерческое использование — На тех же условиях» Всемирная 4.0 (Creative Commons Attribution – NonCommercial - ShareAlike 4.0 International; CC BY-NC-SA 4.0). См. <https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/legalcode.ru>

https://doi.org/10.52605/16059921_2021_06_9

1 Систематизация теорий информационного общества

Методологическим проблемам изучения информационного общества автор посвятил несколько работ [4, 11-14], по этой причине данное исследование имеет своей целью проанализировать самые основополагающие базовые доктрины, заложившие основы дальнейшего исследования данного феномена. Современная наука, как уже было отмечено, много внимания уделяет проблемам информации и информационного общества, однако, можно с уверенностью утверждать, что на сегодня не вышло той революционной доктрины, которая бы дала возможность раз и навсегда определиться с этим сложным, многогранным и порой загадочным явлением.

Как пишет Фрэнк Уэбстер, автор книги «Теории информационного общества», одной из наиболее глубоких критических работ об ИО, «читая литературу об информационном обществе, просто диву даёшься, сколь велико число авторов, оперирующих неразработанными определениями предмета, о котором пишут. Они все пишут и пишут об особенностях информационного общества, но при этом их собственные операционные критерии остаются непрояснёнными» [6, с. 13].

В стремлении осознать смысл перемен в информации они торопятся определить их в терминах различных форм экономического производства, новых форм социального взаимодействия, инновационных процессов производства и т.д.

Существует несколько подходов к исследованию феномена информационного общества. Фрэнк Уэбстер описывает пять основных подходов. «Пять определений информационного общества, и все они связаны с параметрами идентификации новизны» [6, с. 15]:

- технологическое;
- экономическое;
- связанное со сферой занятости;
- пространственное;
- культурное.

Уэбстер подчёркивает, что эти определения «не обязательно взаимоисключающие, хотя теоретики выводят на первый план то или иное определение в соответствии со своими представлениями. Однако основой всех этих дефиниций становится убеждение, что количественные изменения в сфере информации привели к возникновению качественно нового типа социального устройства – информационного общества» [6, с. 15]. Трудно не согласиться с Уэбстером, акцентирующим внимание на количественно-качественных основаниях концепций информационного общества, которые упускают из виду роль человеческого фактора, субъекта, влияющего на формирование информационного общества и путей его развития.

Кристофер Мэй [8] сосредотачивает своё внимание на четырёх взаимосвязанных утверждениях, которые чаще всего появляются в описаниях возникновения информационного общества, и которые он рассматривает в своей книге «Информационное общество: скептический взгляд». Вот эти четыре гипотезы:

1. Мы переживаем социальную революцию;
2. Изменилась организация экономических отношений;
3. Меняются политические процессы и вовлечённые в них сообщества;
4. Наблюдается окончательная потеря государством своей роли и могущества.

Эти четыре утверждения связаны друг с другом. Вопрос социальной революции тесно связан с изменениями в путях организации экономических отношениях. Изменения в экономических отношениях часто связывают со сдвигами в политике, а эти сдвиги в свою очередь вряд ли оставляют институт государства незатронутым. Кристофер Мэй, говоря об этих посылах, считает, что именно с их помощью можно наглядно доказать тезис, что «хотя различные формы деятельности и изменились, их суть осталась прежней» [8].

В отличие от него Алистер Дафф в своей работе «Изучение информационного общества» выделяет три угла зрения на ИО – тезис об информационном секторе (экономики); подход на основе информационных потоков; и подход на основе информационных технологий [7]. Первый тезис, родоначальником которого является Фриц Махлуп, уже на протяжении многих лет подвергался яростным нападкам различных критиков информационного общества, а также, по нашему мнению, не представляет собой сколь-нибудь значительного интереса в качестве источника идей для синтетической методологии Информационного Общества (подробную

критику см. в [7]). Два другие подхода, хоть и не столь популярны в литературе, но представляют, на наш взгляд, гораздо больший интерес.

Миф об «Информационной Эпохе»

Позволим себе начать эту часть словами Сиза Хэймлинка: «Волшебный миф раз за разом можно услышать из уст многочисленных сказочников. Миф об информационном обществе... В том мифе говорится, что «информационная революция» явилась наиболее значительным изменением в новейшей истории, революционным переходом к фундаментально новой эпохе» [8]. И хотя в промежуточный период можно было наблюдать, как этот миф чахнет, развитие интернет-коммуникаций дало ему новую жизнь, и сейчас он звучит чаще, чем когда-либо.

До того, как подробнее рассмотрим некоторые теоретические концепции, играющие заметную роль в апологетике или критике информационного общества, мы бы хотели остановиться на наиболее общей формулировке тезиса, гласящей, что возникновение информационного общества по сути своей революционно и провозглашает собой приход новой (информационной) эпохи. Однако следует подчеркнуть, что данная революционность не является чем-то заложенным от природы и проявляющимся сама по себе. Она, как и все в обществе, напрямую зависит от деятельности преследующего свои цели субъекта социальных процессов, то есть от лица или группы лиц, реализующих собственные программы через построение и реализацию различных моделей и схем развития информационного общества. В этом плане наиболее плодотворен конструктивистский подход, однако, его методологическая база не должна при этом страдать чрезмерным волюнтаризмом и солипсизмом, не учитывающим внутреннюю логику развертывания социальных процессов.

Репутация самого термина «революция» была заметно подмочена в XX веке бесчисленным множеством микропроцессов, называемых «революциями»: «революцией шоппинга», «революцией мобильной связи» и даже «революцией в средствах по борьбе с прыщами». Однако если мы постараемся вернуться к исконному значению этого слова, то мы увидим, что РЕВОЛЮЦИЯ (от позднелат. *revolutio* – поворот, переворот) – это глубокие качественные изменения в развитии каких-либо явлений природы, общества или познания.

Во время расцвета индустриализации в начале XIX века рассуждения о «революционных» технологических изменениях была «вырваны из области реального исторического рассмотрения и снабжены мантией идеологии, мифа. Они стали не просто описанием определённых взаимосвязанных структурных изменений в обществе, но призывным кличем, программой действий, обоснованием неизбежных трудностей, которые должны сопровождать развитие промышленности» [8, 9]. И именно на это понимание революции (индустриальной) как мифа и мобилизующей идеологии опираются многие авторы, пишущие об информационном обществе. И именно здесь очень слабо учитывается роль человека во влиянии на формирование дальнейших путей развития информационного общества.

Как и их предшественники, эти авторы одновременно с провозглашением происходящей революции часто указывают нам, как мы можем способствовать её ускорению. Предыдущие технологические революции часто представлялись неизбежными, но, безусловно, несущими благо для общества. Рассматриваемые как признак прогресса новые технологии «предположительно производили, как бы в силу своих неотъемлемых свойств, освобождение человеческого духа» [8]. В результате, как и прежде, информационная революция представляет технологию как нечто отдельное от общества. И нам предлагается специфическая роль в этом процессе: не создателей и участник, а лишь реципиентов неизбежного, что является категорическим заблуждением и пренебрежением таким важнейшим фактором, как роль человека в конструировании социальных процессов, в данном случае информационного общества.

Миф об информационной революции, протекающей вне и независимо от сознания человека, создает ощущение естественности описываемого им феномена, представляя любую критику в виде простого непонимания. Так, например, Джон Нэйсбит в 1984 году искренне удивлялся, как это «так много людей страстно противостоят идеям экономики, построенной на информации, и, несмотря на обилие свидетельств, отрицают конец индустриальной эры» [8, с. 11]. И подобный подход с тех пор получил лишь дальнейшее развитие, так что сейчас теоретики часто спорят лишь об эффектах изменений, а не об их реальности. Вот и Дон Тапскотт утверждает, что обилие революционной риторики вызвано не тем, что «мир вдруг полюбил гиперболы. Скорее, язык следует попыткам

воодушевленных лидеров бизнеса, поражённых академиков и ошарашенных журналистов хоть как-то описать мир, в который мы входим, и кардинальное отличие происходящих перемен от всего, что было ранее» [8, с. 4]. Если смотреть на проблему с этих позиций, то, выходит, заявления об информационной революции – не преувеличение, а лишь попытка понять колоссальные изменения в обществе.

Широкое обсуждение «информационной эпохи» так же служит усилению тезиса о трансформации и пытается обозначить важную историческую новизну, наподобие той, что раньше обозначалась словом «революция». Использование самого термина «эпоха», как и более раннее – «революции», раскрывает нам скрытые послы. «Эпоха подразумевает всепроникающую логику, логику, требующую, чтобы всё описывалось и объяснялось в её терминах... Информационная эпоха, таким образом, пытается «запереть» всё обсуждение в рамках своей собственной логики» [8]. Подобная аргументация в целом может быть приемлема, однако, она требует некоторых пояснений, заключающихся в том, что автор сознательно или нет, но придает феномену «информационная эпоха» некое самостоятельное объективное существование вне логики и деятельности человека, что в обществе невозможно в принципе, ибо все закономерности общественного развития выступают как законы-тенденции, осуществление которых во многом зависит от роли, воли и деятельности человека.

Новая эпоха?

В 1970 году новая эпоха всё ещё только виднелась на горизонте, но по мере приближения к ней, нам предстояло «неожиданное столкновение с будущим» [8, с. 18]. Даже в середине десятилетия Даниел Белл [1] всё ещё осознавал спекулятивный характер своего «социального предвидения», новая эпоха оставалась не predetermined. Прислушиваясь к его предсказаниям, социальные акторы могли влиять на будущее. Но к 1980 году новая эпоха уже начала возникать. Уилсон Дизард утверждал, что движение к информационному обществу – это не «просто линейное продолжение того, что происходило раньше... [но] качественное изменение направления» развития общества. Придумав для него имя, мы должны были столкнуться с фактом, что «происходящий сдвиг оказывается отходом от динамики, двигавшей нашим сельскохозяйственным и индустриальным прошлым» [8, с. 182-183].

Несмотря на подобные заявления, а тогда всё-таки казалось, что революцию можно контролировать или направлять, аналитические работы, как правило, оставляли правительствам пространство для манёвра, что и предполагало влияние человеческого фактора на данные процессы. С тех пор, однако, упоминания возможности воздействия людей на информационную революцию становились всё более редкими. Это было вызвано неоправданной идеологизацией данного научного пространства, заменившей влияние субъектов социальной деятельности понятием примитивного политического контроля над направлением информационной революции. Одним из способов, с помощью которых был осуществлён переход от вовлечённости к пассивному принятию этих изменений, явилось представление этих изменений как *эпохальных*, а не просто *происходящих в современном сообществе*.

Элвин Тоффлер был одним из тех, кто оказал наиболее серьёзное влияние на «эпохальность», обозначив информационную эпоху в качестве «третьей волны» [8]. Он продолжал писать о новой эпохе и, с помощью своих связей среди американских политиков и политических фондов, оказал значительное влияние на то, как люди воспринимали информационное общество в США и где бы то ни было ещё. Идея «третьей волны» используется в большом числе работ об информационном обществе, обретя, по определению Кристофера Мэя, статус «полученной правды» [8]. Вкратце, Тоффлер утверждает, что существовало две предыдущих революционных волны (сельскохозяйственная и индустриальная), а сейчас информационная революция явилась третьей. Наша жизнь в доисторические времена кардинально изменилась с возникновением сельского хозяйства в противовес охоте и собирательству, приведя к смене парадигмы на «посади-и-вырасти» в отличие от предыдущих постоянных поисков еды. А в районе XVII-XVIII веков, воспользовавшись запасами и знаниями, неспешно накопленными с первой волны, индустриальная революция (построенная, отчасти, на революции научной) стала набирать темп.

Вторая волна никогда не произошла бы, не будь изменений, принесённых первой, точно так же третья волна может произойти только благодаря крупнейшим достижениям второй [8]. Развёртывание и использование всё более мощных ИКТ – движущая сила третьей волны, в том же

смысле, в котором сельскохозяйственные и промышленные технологии определили первые две. В результате использования сельскохозяйственных технологий возросла производительность, что позволило создавать запасы пищи. Как следствие – от работ на земле освободилось какое-то количество людей, которые смогли отдать своё время и силы построению социальных институтов. Во время второй, индустриальной, волны организация труда на фабриках позволила ещё больше увеличить производительность за счёт того, что мужчины и женщины стали выполнять работы, в которых от них не требовалось производство законченного продукта, а всего лишь выполнение специфических задач. Подобное разделение труда привело к дальнейшей специализации и дополнительному росту производительности. Первая волна позволила обществу вырасти от относительно небольших разрозненных групп, прежде населявших Землю, до полугородских сообществ, в которых начали происходить культурные и социальные инновации. Индустриализация привела к тому, что результатами подобных действий смогли воспользоваться и группы, для которых прежде они были недоступны, а также ускорила развитие науки, технологии и культуры.

Как и в случае предыдущих двух волн, когда мы выйдем из переходного периода – общество кардинально изменится. Подобные изменения будут отражены в том, как взаимодействуют государства, в том, как организовано общество, и в том, какие виды экономической деятельности будут больше всего цениться и создадут новые рабочие места [8].

В результате таких воззрений некоторые авторы, например Николас Негропonte, утверждают, что приход информационной эпохи – это действие природных сил, сопротивление которым бессмысленно. Подобные изменения, рады мы им или нет, неизбежны. Дэвид Браун в своей книге «Кибертренды» утверждает, что «текущая технологически обусловленная перестройка мировой экономики ставит серьёзные вопросы не только о будущем многих людей, но и об индивидуальной и социальной идентификации, о будущем демократии как таковой» [8].

Кроме того, новая эпоха пытается предстать перед нами универсализированной. Несмотря на то, что в разных странах существуют колоссальные различия, нам всё время твердят, что если страна хочет добиться социального и экономического процветания, то все её стремления, какой бы она ни была, должны быть направлены на то, чтоб стать информационным обществом. И даже если они пока не могут полностью информатизироваться, если им только предстоит широко внедрить новые ИКТ, эта логика глобальной трансформации всё равно революционизирует все общества в любом случае.

Тут нам представляется уместным снова обратиться к Фрэнку Уэбстеру и его критике работ Даниела Белла. Рассуждая о видении Беллом перспектив мирового развития, он отмечает, что «глядя на распланированный Беллом маршрут, кажется, что мотор истории работает в автоматическом режиме и везёт нас к полностью развитому постиндустриальному обществу». Позволим себе напомнить, что Белл не говорит напрямую об информационном обществе. Предметом его исследования становится концепция постиндустриального общества, которую многие «поверхностные исследователи часто связывают... с информационным обществом» [6, с. 45].

Отдавая должное Даниелу Беллу, Уэбстер пишет, что тот, по его мнению, является «слишком изощёренным и лукавым мыслителем, чтобы не откеститься от подобных обвинений». Однако Фрэнк Уэбстер всё же настаивает, что при внимательном рассмотрении работ Белла «трудно избежать вывода, будто постиндустриальное общество представляется типом общества, явно превосходящим все, когда-либо существовавшие, и столь же трудно противиться заключению, что мы неизбежно движемся к постиндустриализму благодаря глубинным социальным тенденциям». Идеи эволюционизма глубоко противны Уэбстеру, едко замечаящему, что «от него пахнет социальным дарвинизмом, этой чистоплюйской мыслью, будто бы мы (авторы книг, чаще всего комфортно живущие в самых богатых странах мира) пребываем в обществе, к которому остальные, менее удачливые страны обязаны стремиться и, так или иначе, продвигаться в этом направлении» [6, с. 48].

В арсенале Фрэнка Уэбстера есть не только ирония и сарказм, но и блестящая логика, с помощью которой он и предлагает критиковать эволюционизм с двух взаимосвязанных точек зрения. Первой он называет ошибочность историзма, «т.е. мысли о том, что можно определить основные законы и тенденции истории и таким образом предвидеть будущее». Вторая – телеологичность мышления эволюционистов, предполагающих, что мир движется к какой-то определённой конечной цели. Для Уэбстера эволюционизм Белла проявляется в уверенности, что

история развивается в направлении, в котором движутся Соединённые Штаты, Западная Европа и Япония [6, с. 48]. И тут с ним сложно поспорить.

Однако хотелось бы указать на то, что в своей критике уже и сам Уэбстер допускает, на наш взгляд, логическую ошибку. Из принципа историзма, по его мнению, следует, что людям ничего не нужно предпринимать по поводу проблем в своих странах, поскольку колёса истории сами вывезут их к лучшему будущему, что является категорической ошибкой и односторонним восприятием социальных процессов, которые, вне сомнения, включают в себя как некие закономерности развития, сформированные как результат предшествующей деятельности людей, так и актуальную сиюминутную результативную деятельность людей, живущих в данную эпоху. На наш взгляд, это утверждение подобно утверждению о том, что раз ребёнок обладает имманентным свойством к росту и интеллектуальному развитию, то нет нужды ни кормить его, ни учить, ведь он неизбежно станет большим и умным. Даже если мы встанем на позиции эволюционистов и заключим, что все общества развиваются по одной схеме и идут к одному конечному состоянию – это вовсе не будет означать, что этот путь проходитсЯ ими без каких-либо усилий. На наш взгляд, является достаточно очевидным, что как бы предопределён ни был путь, лежащий перед человеком или обществом, чтобы пройти его необходимо делать шаги. А значит – телеологичность и историзм никак не могут быть оправданием для бездействия.

Заключение

Фрэнк Уэбстер справедливо отмечает, что предметом дискуссий «стало лишь то, что несут с собой эти перемены. Для одних они означают становления общества действительно профессионального и заботливого по отношению к своим членам; для других – усиление контроля над гражданами; для третьих они знаменуют появление высокообразованного слоя, притом, что прочих захлестнёт волна пустячных сообщений, сенсаций и сбивающей с толку пропаганды» [6, с. 6].

Выходит, многие авторы с радостью бросаются обсуждать новую эпоху, забыв разобраться с тем, действительно ли она новая. Мы живём в новый век, в «новой парадигме», в рамках которой социально-экономические отношения более не организованы вокруг примата материальных товаров, утверждают они. Теперь основой всей организации станут знание и информация. Нам говорят: новые информационные и коммуникационные технологии (ИКТ) меняют абсолютно всё, это революция, переделка мира! Но это было всегда, то есть информация была всегда, просто сейчас всё ускоряется, и это тенденция прогресса, помноженная на активную деятельность людей.

В итоге следует отметить, что в рамках научного дискурса исследователям следует быть чрезвычайно осторожными в использовании таких слов, как «новая эпоха» и «революция», потому что подобные заявления требуют очень серьёзного, глубокого, а, главное, многостороннего теоретического и эмпирического обоснования, которое любители гипербола, увы, не всегда могут предоставить.

Литература

1. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. М., 2004.
2. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М., 2000.
3. Кондратьев Н. Большие циклы экономической, конъюнктуры. 1926.
4. Науменко Т.В., Вишневская Е.Л. Информационное влияние на потребительский выбор в условиях современного общества // Проблемы современной экономики. 2015. №2 (54). С. 7-90.
5. Тоффлер Э. Третья волна. М., 2004.
6. Уэбстер Ф. Теории информационного общества. М., 2004.
7. Duff, Alistair F. Information Society Studies. London, 2000.
8. May, Christopher. Information Society: A Sceptical View. Malden, 2002.
9. Kumar, Krishan. From Post-Industrial to Post-Modern Society. Malden, 2005.
10. Freeman C. Preface to Part II // Dosi et al. 1988b.
11. Науменко Т.В. Информационное общество и глобализация // Информационное общество. 2017. № 6. С. 4-11.
12. Науменко Т.В. Информационное/глобальное в понимании Мануэлем Кастельсом современного общества // Информационное общество. 2018. № 1. С. 34-42.

13. Науменко Т.В. Многогранность информационного общества: теоретико-методологический анализ проблемы // Информационное общество. 2018. № 2. С. 1.
14. Науменко Т.В. Методологический анализ концепции информационного общества // Информационное общество. 2018. № 2. С. 4-9.

WHAT IS THE INFORMATION SOCIETY?

Naumenko, Tamara Vasilyevna

Doctor of philosophical sciences, professor

Lomonosov Moscow State University, Faculty of global studies, professor

Moscow, Russian Federation

t-naumenko@yandex.ru

Abstract

Information as the driving force of the modern world is a constant and relevant topic of numerous modern studies. Information is such an important component of modern society that the society itself is called informational. However, there is no consensus on what is still considered the main criterion of this society, what are the main criteria for its allocation, as well as what are the mechanisms for its development, but there is a number of doctrines that convincingly defend their own positions on solving this difficult issue. The article attempts to systematize the theories of the information society, to consider and analyze the myth associated with the concept of the "information age", as well as to analyze the constructivist approach and prove its fruitfulness for the study of this topic.

Keywords

Information, information society, information age, mythologization, constructivism, information revolution, information society theories

References

1. Bell D. Gryadushcheye postindustrial'noye obshchestvo. M., 2004.
2. Kastel's M. Informatsionnaya epokha: ekonomika, obshchestvo i kul'tura. M., 2000.
3. Kondrat'yev N. Bol'shiye tsikly ekonomicheskoy, kon'yunktury. 1926.
4. Naumenko T.V., Vishnevskaya E.L. Informatsionnoye vliyaniye na potrebitel'skiy vybor v usloviyakh sovremennogo obshchestva // Problemy sovremennoy ekonomiki. 2015. №2 (54). S. 7-90.
5. Toffler E. Tre'tya volna. M., 2004.
6. Uebster F. Teorii informatsionnogo obshchestva. M., 2004.
7. Duff, Alistair F. Information Society Studies. London, 2000.
8. May, Christopher. Information Society: A Sceptical View. Malden, 2002.
9. Kumar, Krishan. From Post-Industrial to Post-Modern Society. Malden, 2005.
10. Freeman S. Preface to Part II // Dosi et al. 1988b.
11. Naumenko T.V. Informatsionnoye obshchestvo i globalizatsiya // Informatsionnoye obshchestvo. 2017. № 6. S. 4-11.
12. Naumenko T.V. Informatsional'noye/global'noye v ponimanii Manuelem Kastel'som sovremennogo obshchestva // Informatsionnoye obshchestvo. 2018. № 1. S. 34-42.
13. Naumenko T.V. Mnogogrannost' informatsionnogo obshchestva: teoretiko-metodologicheskyy analiz problemy // Informatsionnoye obshchestvo. 2018. № 2. S. 1.
14. Naumenko T.V. Metodologicheskyy analiz kontseptsii informatsionnogo obshchestva // Informatsionnoye obshchestvo. 2018. № 2. S. 4-9.